

5. Прокопович Н. Н. Словосочетания и вводные слова/конструкции / Н. Н. Прокопович // Проблемы современной филологии. – М., 1965.
6. Фенова Е. А. Роль вводных слов и вставных конструкций в организации функциональной перспективы высказывания / Е. А. Фенова // Вестник МГУ. – 1983. – № 5.

Надійшла до редколегії 29.02.08

УДК 811.112.2-11.

Г. П. Дьяконов

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

КОНЦЕПТЫ БАРОЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Розглядаються особливості формування концептуального кола німецьких мовних товариств XVII сторіччя; визначається значення діяльності таких товариств у формуванні норм сучасної німецької мови.

Рассматриваются особенности формирования концептуального круга немецких языковых обществ XVII столетия; определяется значимость деятельности таких обществ в формировании норм современного немецкого языка.

The features of forming of conceptual circle of German linguistic societies of the XVII century are examined; the meaning of activity of such societies is determined in forming norms of the modern German language.

Изучение деятельности языковых обществ является достаточно устойчивым аспектом исследований в современной германистике. Хотя существует достаточное количество работ, посвященных той или иной проблеме в рамках их деятельности, тем не менее интерес исследователей к вопросу о роли таких объединений в формировании норм современного немецкого языка по-прежнему не ослабевает. В этой связи представляется необходимым проанализировать некоторые концепты деятельности языковых объединений, рассматривая их как фактическое отражение основополагающих моментов, имеющих решающее значение для изучения всей парадигмы немецких языковых обществ.

Вероятно, можно согласиться с тем, что определенная концептуальная транспозиция, подобная той, какую можно обнаружить у Харсдерфера [5], призвана выразить определенную утопическую валентность [1, с. 35], в основе которой лежит имплицитное стремление к созданию культурологического ландшафта, подобного тому, который существовал в Италии и который стал концептуальным источником собственно модели языковой академии. То, что в культуре немецкоязычного региона того времени не существовало литературно-культурологических явлений, сопоставимых с достижениями итальянских литературных академий, Харсдерфер объясняет отнюдь не несовершенством немецкого языка, а крайне низким общим уровнем литературного и культурного сознания. Причина подобного положения дел кроется, с его точки зрения, в определенной гендерной дискриминации. Этот момент представляется важным, поскольку свидетельствует о понимании необходимости развития литературного сознания и создания концептуально совершенно новой социетарной модели. Таким образом, задолго до возникновения концепций современного феминистского течения в Германии Харсдерфер фактически указал на критическую маргинальность гендерного концепта, подчеркивая его значение

для формирования немецкоязычного культурологического ландшафта. Основные концепции создания эгалитарного дискурса, до определенной степени свободного от социальных и гендерных предрассудков, как мы их находим у итальянских обществ-прообразов (Баргальи, Гуаццо), входят в концептуальный фонд ведущих немецких языковых обществ (Орден Пальмы, Цветочный Орден). Вместе с тем едва ли можно говорить о реальной акцептации подобных концепций вне самих объединений в рамках существовавших на тот момент общественно-исторических реалий.

Творческую рецепцию тезиса Баргальи «*animale conversevole*», который, в свою очередь, явился одной из предпосылок эффективности деятельности итальянских литературных академий, без преувеличения можно рассматривать в качестве одного из краеугольных камней концептуальной системы немецких языковых обществ. Дальнейшее развитие этого концепта приводит к осознанию значения диалога и культивированного общения, что, в свою очередь, способствует осознанию нормированного национального языка как коммуникативного медиума развитого общества. При этом особо следует отметить попытку интерпретировать все разнообразие окружающего мира как некую семиотическую систему, которая подлежит декодированию. Вместе с тем, постулируемая возможность познания мира с помощью системы лингвистических знаков влечет за собой и некоторую абсолютизацию роли семантики лексических единиц в этом процессе, корректность или «чистота» которых будет определять корректность отображаемой картины мира.

Концепт «чистоты языка» кладется в основу значительной части исследовательских подходов к изучению феномена языковых обществ. Вся деятельность представителей языковых обществ рассматривается именно через его призму и понимается, главным образом, как стремление к волюнтаристическому очищению от иноязычного лексического материала. То, что подобная интерпретация не совсем адекватна, представляется достаточно очевидным. Трактовка понятия «пуризм» исключительно с точки зрения абсолютизации стремления к этимологической чистоте лексической системы немецкого языка, что достигается за счет мер рестриктивного характера в отношении практически любой заимствованной лексемы, кажется ограниченной. Если же рассматривать пуризм как одну из форм проявления стремления к корректности в сфере речевой деятельности, то можно заметить, что в этом случае гипертрофированное стремление к пуристическому абсолютизму является собой негативный подход, к тому же отнюдь не главенствующий, в рамках общей системы концептов. В этом случае можно заметить, что концептуально отношение к иноязычным лексемам определяется гораздо более гибкими требованиями речевой корректности, под которой понимается совокупность грамматической, стилистической и лексической корректности.

Упомянутый факт определяет и не всегда адекватную трактовку некоторых иных концепций и понятий, употребляемых в среде участников языковых обществ. Например, понятия «истинно немецкий» [4, с. 1]. Его трактовка в русле культурно-патриотических устремлений с особым акцентом на национальной специфике, постепенно возводимой в ранг культовой величины, вряд ли отвечает действительности. Представляется, что более правильным будет рассматривать это понятие как немецкий эквивалент известного в грамматике латыни понятия «*latinitas*», то есть чистоты и корректности латинского языка. В этом случае концепции языковых обществ, предполагают не столько механическую борьбу с заимствованной лексикой, сколько создание и реализацию единых норм речевой корректности. Идеологическим фоном этого процесса можно считать концепт равноправного положения немецкого языка в системе европейских языков, который посредством лексикографического описания, грамматического нормирования и совершенствования поэтических норм приобретает статус языка науки и культуры. Материалы языковых об-

ществ дают достаточное количество фактов, свидетельствующих о значимости концепции равноправности европейских языков, а значит, и равноправного статуса формирующегося национального немецкого языка.

Одним из существенных моментов, важных для понимания целого комплекса связанных с языковыми обществами проблем, является наличие определенного концептуального дуализма, о чем свидетельствуют расхождения среди членов языковых обществ по ряду вопросов. Вероятно, наиболее важным можно признать дуализм точки зрения на определение статуса самого немецкого языка. В одном случае можно констатировать доминирующий лингвистический подход, результатом которого должен был стать научно обработанный и упорядоченный немецкий язык. В другом случае преобладал подход, ориентированный на узуальную реализацию речевых норм. Не случайно некоторые исследователи напрямую связывают динамику существования языковых обществ с активизацией и преобладанием последнего из упомянутых подходов [6, с. 246]. Очевидно, в этой особенности следует видеть один из факторов, предопределивших сложность типологии языковых обществ и определенный дуализм выдвигаемых их типологических характеристик. Этот же факт, очевидно, стал одной из причин того, что попытки создания немецкой языковой академии на основе использования модели предшествующих языковых обществ определенное время оставались безуспешными. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и роль социально-политического фактора, предопределившего практическую невозможность внедрения, например, модели французской языковой академии в условиях отсутствия централизованной политической власти, профессионального противостояния и своеобразия культурологического ландшафта в немецкоязычном регионе.

Исследователи достаточно убедительно демонстрируют ограниченность трактовки языковых обществ, основанной на постулируемой исключительной доминанте языковых вопросов в сфере их деятельности, например при изучении Ордена Пальмы. Однако теперь представляется оправданным постулировать тезис более высокого порядка, а именно: сама модель языковых обществ не должна подгоняться под прокрустово ложе одних только лингвистических концептов. Она имеет гораздо более универсальный характер. Не случайно исследователи все больше акцентируют нравственные аспекты программ языковых обществ [7, с. 9], хотя склонны видеть в этом в первую очередь лишь связь с европейским академическим движением в разных формах его проявления [3, с. 75].

Создание гомогенной системы норм, трансформирующей все речевые акты в нормированную общественную практику по итальянской модели, действительно можно рассматривать в качестве центрального концепта программ ведущих немецких языковых обществ [2, с. 113–114]. Разумеется, чтобы придать создаваемым нормативным моментам более постоянный характер, более существенный, чем характер относительно устойчивого перечня неких общих закономерностей, вытекавших из совместных оценок и решений определенной исторической группы, было необходимо наличие текстовых материалов, которые возвели бы лингвистическую и литературную практику в стандарт, сделав её не только показательной, но и обязательной. Чтобы узаконить этот акт трансформации предлагаемых стандартов в текстовые источники универсальных норм, актуализировался концепт текстовой подлинности. С его помощью исторические, основанные на консенсусе стандарты характеризовались как некие лингвистические и естественнонаучные законы. Языковые общества могли, таким образом, использовать свои собственные тексты в качестве своего рода узаконенного нормирующего образца. Таким путем немецкие языковые общества пытались связать исторический акт своего создания с необходимостью восприятия себя в качестве легитимной нормирующей силы.

Подобно итальянским академиям и однотипным европейским объединениям, немецкие языковые общества демонстрируют переход от имитации норм предшественников к утверждению собственных концептов лингвистического и литературного нормирования. В работах представителей обществ отражены стандарты, основанные на языковых фактах уже не классических, а современных источников. Становится понятным, почему деятельность итальянской академии Crusca, которая лексикографически представила и тем самым узаконила нормы родного языка, стала моделью для многих европейских академий, включая и немецкие языковые общества. Этот же факт позволяет понять, почему лексикографические проекты языковых обществ имеют приоритетный характер среди прочих проектов. Подтекст определенного лингвистического шовинизма, который развивался с деятельностью итальянской академии и появлением словаря, представляет собой идеологически важный момент. Когда лингвистические формы одного диалекта родного языка (тосканский диалект флорентийских академий, саксонский или мейсенский позднее в немецких языковых обществах) собраны в лексикографической форме, сам акт лексикографического фиксирования имеет эффект возведения на уровень равенства с латынью, создавая тем самым версию нормативного употребления, основанную на узусных фактах. Немецкие языковые общества были учреждены в контексте растущего осознания исторических и культурных различий, своего рода регионального шовинизма, который объявил родной язык равным по своему статусу латыни, способным заменить ее для передачи научных знаний в текстовой форме и коммуникации вообще.

Наибольший интерес представляют тексты по теории языка, поэтологические трактаты и пасторальные тексты на немецком языке, которые раскрывают интересные нас моменты. Их связь с созданием немецкого языка, его поэтических форм, опиравшихся на коллективно разработанную программу, которая приобрела нормирующий характер, вызвана в первую очередь фактом существования немецкого языкового общества в Нюрнберге – Пегницкого Цветочного Ордена. Созданный, подобно другим академиям, чтобы объединить образованных представителей своего времени для эмансипации родного языка до уровня античных языков, Пегницкий Цветочный Орден в своей программе выдвигал задачу по созданию традиций наряду и даже вместо универсальной культуры предшествующих времен. Накануне века Просвещения и декларирования равноправного доступа к «законам природы» (который, якобы, «демократизировал» знание и культуру), феномен немецких языковых обществ основывался на постулате о том, что лишь коллективно (а не индивидуально) можно определить, каковы эти законы и передать их другим, ожидая, что они будут им следовать. Отражая потребность во внутренней когерентной культурологической системе, основанной не на репродукции античности, а на создании собственного исторического места, материалы языковых обществ демонстрировали, что их нормы могли быть приравнены к «истинам» античной практики и природным законам. Таким образом, создавались предпосылки возможности их восприятия в дальнейшем в качестве источника функционально абсолютных лингвистических и поэтических норм.

Размышления о конечной цели немецкого языкового общества группируются вокруг тезиса о том, что только единый (унифицированный и нормированный) немецкий язык, а не один из многочисленных его диалектов, которые фактически были средством устной коммуникации в центральной Европе в шестнадцатом и семнадцатом веках, может стать нормативным образцом. При этом сам немецкий язык, которым языковое общество должно было заниматься, концептуально определялся как «главный язык» (Hauptsprache), один из основных языков человечества, уходящий корнями в библейские времена. Такая оценка немецкого языка уже наделяла

его фундаментальными качествами, поскольку по логике исторической лингвистики того времени современные языки брали свое парадигматическое начало в библейских языках (греческом, латыни, иврите). Переводы Библии Лютером в 1520 и 1530, как полагают, создали «новый» немецкий язык. Материальное существование Священного писания на немецком языке показало, что стало возможным сделать его частью триады библейских языков. Однако впоследствии немецкий язык, по мнению членов языковых обществ, подвергся лексической инвазии иностранных языков и практически вышел из употребления среди представителей определенных социальных слоев. Задача языковых обществ виделась именно в восстановлении его статуса, что должно было открыть новую сакральную фазу его существования. Немецкий язык должен быть возвышен до соответствующей его престижу позиции, а его статус следовало восстановить путем воссоздания его «первооснов». Особо следует отметить осознание представителями языковых обществ того факта, что эта задача могла быть выполнена лишь путем коллективных усилий, путем создания и определения лингвистических норм, которые лягут в основу как некие «новые» абсолютные нормы, составляющие основу лингвистического нормирования. Следует отметить, что сакральный концепт стал вообще одним из краеугольных камней многих дальнейших построений. Обращение к историзму библейского дискурса и тезис о том, что исконной первоначальной задачей лингвистических знаков было не представлять сущности, но являться таковыми для носителей языка, понималась участниками проектов языковых обществ как ключевой момент, который узаконивал их притязания на создание языковых норм. Следуя этой концепции, они не только получали возможность логического обоснования престижа собственного родного языка, но и то, что могло бы придать их собственному проекту нормативную авторитетность. Для теоретиков немецкого языка того времени дарование языка человеку, описанное в сакральных текстах, представляло доктрину, которая предполагала существование «естественно» чистых и лингвистически точных национальных языков. Это обеспечило философский контекст, который был призван помочь наилучшим образом понять рациональные построения членов языковых обществ, их ориентиры для составления словарей и других проектов. Логика именно этого концепта в значительной степени определила последующую стратегию формирования норм немецкого языка, реализованную в большинстве языковых обществ.

Библиографические ссылки и примечания

1. **Battafarano, Italo Michele:** Zwischen Bargagli und Loredano, Harsdörffers Vorstellung der *accademie letterarie italiene*. In: *Res Publica Litteraria, die Institutionen der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit*, hrsg. v. Sebastian Neumeister, Conrad Wiedemann. Wiesbaden : Harrasowitz 1987. *Wolfenbütteler Arbeiten zur Barockforschung*; Bd. 14. – S. 35–43.
2. **Conermann, Klaus:** War die Fruchtbringende Gesellschaft eine Akademie? Über das Verhältnis der Fruchtbringenden Gesellschaft zu den italienischen Akademien. In: *Sprachgesellschaften. Sozietäten. Dichtergruppen. Arbeitsgespräch in der Herzog August Bibliothek in Wolfenbüttel 28. bis 30. Juni 1977. Vorträge und Berichte herausgegeben von Martin Bircher und Ferdinand van Ingen*. Hamburg, 1978. *Wolfenbütteler Arbeiten zur Barockforschung* Bd. 7, S. 103–130.
3. **Conrads, Norbert:** Ritterakademien und Sprachgesellschaften. Ein Vergleich. In: *Sprachgesellschaften. Sozietäten. Dichtergruppen. Arbeitsgespräch in der Herzog August Bibliothek in Wolfenbüttel 28. bis 30. Juni 1977. Vorträge und Berichte herausgegeben von Martin Bircher und Ferdinand van Ingen*. *Wolfenbütteler Arbeiten zur Barockforschung* Bd. 7. – Hamburg, 1978. – S. 75–101.

4. **Gueintz, Christian:** Deutscher Sprachlehre Entwurf. Köthen 1641. Nachdr. Dokumenta Linguistica. Reihe V: Deutsche Grammatiken des 16. bis 18. Jahrhunderts. – Hildesheim, New York, 1978.
5. **Harsdörffer G. Ph.** Frauenzimmer Gesprächspiele. Hrsg. v. I. Böttcher. Deutsche Neudrucke. Reihe Barock. – Tübingen, 1968, – Bd. II
6. **Huber, Wolfgang:** Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein: Studien zur deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte Bd. 5. – Frankfurt a. Main, Bern, New York, Nancy : Lang 1984. – 319 S.
7. **Ingen, Ferdinand van:** Die Erforschung der Sprachgesellschaften unter sozialgeschichtlichem Aspekt. In: Sprachgesellschaften. Sozietäten. Dichtergruppen. Arbeitsgespräch in der Herzog August Bibliothek in Wolfenbüttel 28. bis 30. Juni 1977. Vorträge und Berichte herausgegeben von Martin Bircher und Ferdinand van Ingen. Wolfenbütteler Arbeiten zur Barockforschung Bd.7. Dr. Ernst Hauswedell & Co Verlag. – Hamburg, 1978. – S. 9–27.

Надійшла до редколегії 05.07.08

УДК 811.161.1'367.335

И. И. Дяговец

Донецкий институт социального образования

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ АМПЛИФИКАТИВНОГО СТРОЕНИЯ

Зроблено спробу виявити типологічну картину мовних одиниць, що формувались на основі синтаксичного процесу ампліфікації. Виділено два типи таких побудов; у I-му типі виокремлено 3 підтипи, у II-му – 8 підтипів.

Предпринята попытка выявить типологическую картину языковых единиц, сформировавшихся на основе синтаксического процесса амплификации. Выделено два типа таких конструкций; в I-м типе выделено 3 подтипа, во II-м – 8 подтипов.

An attempt to find out the typology picture of linguistic units which were formed on the basis of syntactic process of amplification is done. Two types of such constructions are selected; in the 1st type 3 subtypes are selected, in the second one – 8 subtypes.

Семантические типологии – дело всегда чрезвычайно трудное и зачастую проигрышное. Тому есть, по крайней мере, две причины: 1) слишком разнообразна, а потому и чересчур сложна, информативная база формирования грамматических значений, лежащих в основе любых семантических интерпретаций; названное разнообразие и вытекающая из него сложность до конца ещё не исследованы наукой, что не позволяет найти оптимальные критерии изучения синтаксических явлений; 2) на сегодняшний день синтаксическая наука располагает незначительным опытом семантических исследований, поэтому полагаются только на семантические показатели как на оптимальный инструмент вскрытия глубинных свойств синтаксических объектов русского языка пока что преждевременно.

В этой связи представляется не совсем удачной и опрометчивой попытка построить «Русскую грамматику-80» на приоритете семантических оснований. Это привело к тому, что РГ-80 представила массовому читателю (а и на него рассчитаны издания подобного рода) отвлечённый, абстрактный образец публицистической, научной схоластики, которую даже специалисты не всегда понимают, так что, несмотря на весьма солидную теоретическую базу и не менее солидный экземпли-

© Дяговец И. И., 2008